

Виктор Рачков,

«ИНДУСТРИАЛЬНАЯ КАРАГАНДА»

вам, потеряла всякий смысл. Учебу в СПТУ № 6 (сейчас профтехучилище № 35) забросил.

Что делать? Начнешь пить вино — посадишь себя на стакан, будешь потягивать травку — потом сядешь на иглу. А дальше? Чтобы не пропал вечный кайф, придется отбирать деньги, у кого они есть. Такая перспектива Подлесных не устраивала. И он дал слово прежде всего самому себе и поклялся перед светлым образом матери, что единственное его спасение — стать лидером.

— Если бы сдался, — в разговоре со мной Женя откры-

ше лечь спать. Я только один раз выплюсь, и все будет хорошо». К офицеру Женя не подошел, сержантские приколы «подъем—отбой» за 45 секунд продолжались. Чтобы не дать себя окончательно сломать, начал драться. Ребята в роте попались не хилые — 15 мастеров спорта. Давала о себе знать и майкудукская закатка: к концу пятого месяца обучения Е. Подлесных был в роте признанным лидером.

Курсантов основательно натаскивали к войне. По трое суток гоняли их по пустыне, останавливаясь в пути часа на два. Одну палатку давали на 150 человек (в Афганистане этой же палаткой пользовались 50 бойцов). На привале кого-то тут же хватала судорога, многие падали замертво от солнечного удара, молодые сердца не выдерживали бешеных нагрузок. Ну-ка побегай по 40-градусной жаре, когда на тебя

Если кто-то из солдат или офицеров в рейде не выдерживал, его зашивали. Не до смерти, а калекон делали в шесть секунд. Потом товарищи несли бодолагу и его снаряжение в горы. После окончания операции неудачник считался «опущенным», то есть делал в казарме всю черновую и грязную работу. Увы, в горах свои неписанные законы.

— Тебе тоже было тяжело? — Женя вопрос мой слышит, но с ответом не торопится. Вспомнил, как во время первого рейда к нему докопались «деды». Беды не случилось, так как за него заступились казахстанцы. Где словом, а где кулаком, но через полгода сержант Подлесных вытянул четвертый взвод 8-й горнострелковой роты в число лучших. Он не делил солдат, как было до него, на «мусульман» и «европейцев». Требования были ко всем одинаковы.

наших. Духи и над мертвыми издевались, не ведая жалости. У офицера на лбу была выжжена пятиконечная звезда, в рот затолкали половоси член под мышку положили мину — они предназначались для живых шуров (советских). У солдат были выпороты животы, и в них напихали рис и дылоки.

...сли «афганцы», которые под хмельком хвастаются: «что я лично убил 40—50 душманов». В эти жестокие полные месяцы жизни не вступал ни разу, почему:

— И знаю, — говорит он мне, — что в горах не видишь, сколько убил человек.

Дома у Евгения Подлесных десятки афганских фотографий. Часами может он рассказывать о ребятах из горного батальона, но память возвращает его вновь и вновь к погибшим друзьям. Вот на фотографии Сергей Грачев из ближнего Тагила. Его жизнерадостная улыбка расплескалась по всему лицу. С ним Женя разговаривал за час до смерти. Кто бы мог подумать, что после душманского выстрела из гранатомета — на землю опустится обрубок мяса без ног.

Азербайджанец Д. Гасанов — самый неразговорчивый человек в роте. За 40 минут до смерти вдруг заговорил о матери, о своих братьях и сестрах, о работе.

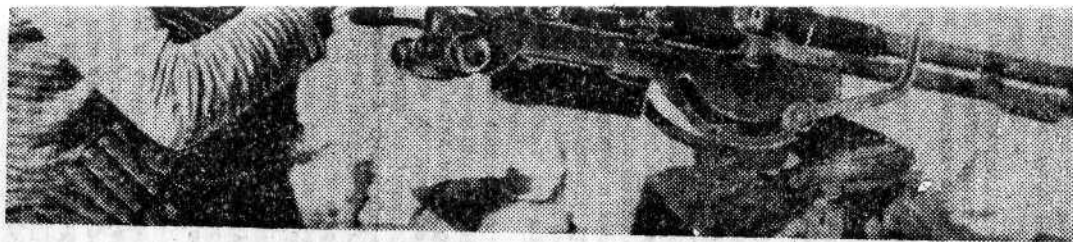
...без двадцати минут одиннадцать вечера душманы начали мощный обстрел реактивными снарядами наших позиций в районе кишлака Алихейль провинции Пактия. Каково впечатление?

Сначала слышен свист, знакомый по залпам «Катюш» из фильмов о войне. По нему определяют тебя РС или пролетит мимо. Духовский корректировщик огня сидел на горе, как на ладони видел рас-

„АФГАНЕЦ“

Он хотел быть лидером и стал им

В Октябрьском военкомате, куда старшина Подлесных пошел становиться на воинский учет, майор, первый раз увидевший высшую награду ЦК ВЛКСМ — знак «Воинская доблесть», подумал, что это самоделка и приказал его снять. Женя еле сдержался, чтобы не пройти по физиономии офицера. В Афганистане он хорошо запомнил, как старшие офицеры говорили, что Родина встретит своих сыновей, как героев. Встретила...

А дома у него не было даже гражданского костюма. Семья Подлесных и при матери жила скромно. Оставшись с отцом, участником Великой Отечественной войны, трудностей в доме заметно прибавилось. Старший брат Александр — инвалид. Е. Подлесных на два месяца отпустили домой, чтобы успел проводить на службу Володю. Да не получилось: парень надорвался на стройке. Из-за опущения почки в армию не взяли.

«Если сдамся, начну пить, курить — семья придет крах», — эта мысль постоянно долбила мозг. От нее Женя не мог убежать, опрокидывая очередную порцию водки или оставаясь в степи один на один с гуляй-ветром. «Я, «афганец», не пропал на войне. Неужели сдамся на «гражданке?» — так или примерно так рассуждал Подлесных, когда принимал окончательное решение выжить во что бы то ни стало. И — упал на спорт.

Сегодня, глядя на атлетически красивую фигуру Е. Подлесных, у которого бицепсы на руках — мечта каждого пациента, трудно поверить в то, что шесть лет назад он весил всего 59 кг.

Женя оборудовал в квартире спортзал. До изнеможения в теле бил боксерскую грушу, тягал штангу, бегал по солкам, сколько было сил. Из худого, невзрачного, больного, каким он был в первые послеармейские месяцы, превратился в сбитого крепыша, который и за себя постоит, и других в обиду не даст.

венен, — считай, сдох.

До армии их было 12 друзей — все спортсмены, рэгбисты, каратисты, или «спартаки». Как они гордо себя величали по названию кинотеатра «Спартак». Женя среди них был не самый здоровый, были ребята и покрепче. Но уже в то время чувствовалось, что Подлесных и есть тот стержень, благодаря которому держится вся их группа. Никто не курил, не пил. Правда, на танцах дрались стенка на стенку с чеченцами, с ребятами из немецкого поселка. Весь Майкудук делился по территориям — каждая группировка не хотела добровольно уступить лидерство. Бывало, но редко, попадало и компания Подлесных. Это была честная борьба на кулаках и без дураков. Кто был физически подготовлен лучше, одерживал верх.

Все друзья Женки добровольно написали заявления в военкомат, чтобы направили служить в Афганистан.

— Хотя я не был знаком с одним «афганцем», но они были для меня кумирами, — рассказывает Женя, — Когда узнал, что Саша Чапурин, с которым учились вместе в училище, в Афганистане, мечтал встретиться с ним после армии.

В июне брат Володя написал, что Саша подорвался на mine. Мне и в голову не могло прийти, что Саши уже нет в живых.

Будучи в Афганистане, я был в роте, где он служил, видел на стене еще не стертую его кровь. Узнал, при каких обстоятельствах он погиб.

— А ты в армию хотел? — спрашиваю Подлесных. Женя задумался, как ответить: по

навесили цинк из-под патрона, а в нем залит бетон (и весит эта штучка 30 кг), противогаз, общевойсковой защитный комплект, автомат или пулемет.

Как ни утро — 6—8-километровый марш-бросок, а по праздникам — бег в составе роты. По горам учили лазать лучше любого скалолаза, стрелять ночью из любого вида оружия. Одним словом, это был знаменитый Кишиневский полк.

22 апреля 1986 года Е. Подлесных первый раз вступил на афганскую землю. Кабульский аэропорт встретил его ослепительным солнцем. 150 выпускников школы сержантов прибыли на войну. Навстречу им шли десантники — загорелые, радостные лица от скорой встречи с домом, с орденами и медалями на кителях. Женя с нескрываемой гордостью смотрел на этих пропахших порохом парней, и гордость, что они есть, передалась всему его существу. Он не обижался на шутки десантников: мол, молодые, вешайтесь, пока не поздно. Мы еще себя докажем, думал в душе каждый новоиспеченный сержант.

Поначалу Подлесных определили в Шиндандскую десантно-штурмовую бригаду. Через час пришел прапорщик и отвез на окраину Кабула, в местечко «Теплый стан» — «Хайраханан». Рядом проходила «дорога жизни» — шоссе, связывающее столицу Афганистана с Термезом. Женя попал в третий горно-стрелковый батальон (войсковая часть полевая почта 51932). Солдаты называли его батальоном смертников: в 1985 году в Панджшерском ущелье этот батальон потерял половину личного со-

А в горах, признался Женя, ему тоже приходилось нелегко.

Первый выход в горы. Душманы открыли огонь. Подлесных растерялся, каска с головы слетела. Он побежал за ней, хотя вся рота уже лежала на земле. Два земляка-казаха догнали Женю и затолкали его в арык.

Это уже потом — идешь, идешь по чертовым горам, а нарвешься на душманов, наступает безразличие: лучше пусть тебя убьют, чем мучиться с 70-килограммовым рюкзаком. А как сложится жизнь у 12-летней сестренки? Что будет с отцом, братьями? Только бы вернуться домой не калекой. Тогда точно, я никому не буду нужен», еще сильней тиснула зубы, Е. Подлесных с упорством шел в горы, никому не показывая своей минутной слабости. Лишь ночью, стоя на посту, в окружении темноты, холода и постоянного недосыпания, прибегал страх, хотелось выть и плакать, а слезы, как назло, не капали.

Женя посчитал, каждый пятый в роте «косил» или занимался членовредительством, чтобы только не идти к душманам. Пили мочу больного желтухой, вынимали из гранаты чеку, в руке оставляли гранату: четыре пальца как ни бывало, в хоззоне ставили кисти под пресс. После прыжка из вертолета два-три человека ломали ноги. Прыгали с трехметровой высоты пикирующего вертолета. Упаси бог, если при приземлении треснет рюкзак. Как дальше идти?

Вернулась рота из рейда, отдохнуть времени не давали. На завтра всех ставили в наряд. Самое страшное для солдата,

положение батальона. Уже дома этот смертельный свист преследовал Подлесных целых полтора года. Как услышит на улице и-у-у-ю, торопился спрятаться.

...Снаряд разорвался неподалеку от окопа Подлесных. В воздухе гарь перемешалась с копотью, на зубах осел песок. Пальцы сами непроизвольно уходят в землю. Вдруг, чей-то голос:

— Женя, ты жив?

— Жив!.. — ага, сообразил, это голос Андрея.

— Сидор, ты жив?

Андрей Сидоров не молчит, значит, жив курилка!

— Гасан, жив!

Стонет Джейхун, зовет Женю. Что есть мочи Подлесных рванул к другу. В один миг разорвал на нем свитер. Бакишки наружу вылезли. С испугу затолкал их обратно, сделал укол промедола. Посмотрел на пятаку — оторвана, чептырех пальцев нет на ноге. Начали Гасанова перевязывать, позвонили переломом в нескольких местах.

— Я не думал, — вижу, как на Жениных глазах проступают слезы, — что человек может так быстро умереть.

Ночью вертолеты не летали, отправить в госпиталь мы его не могли. Через час Джейхун умер. Вспомнил мать, и его не стало. Это было 8 июня. В ту ночь Е. Подлесных лежал в окопе контуженный. Ему казалось, что лежит он в могиле, и жизнь его, прекратив земной путь, вышла на дорогу бессмертия.

— Помнишь, — обращается Женя к жене Инге, — когда мы еще с тобой дружили, ездили 8 июня на памятник? С нами был мой армейский друг Д. Галинуров. Выпили по три рюмки водки — за Джейхуна Гасанова, Сергея Грачева, Сашу Чапурина, Игоря Гребнева.

На мемориале воинам-интернационалистам, говорит Женя, мне легче дышится, здесь он встречается со своими единомышленниками. Он ждет эти дни: 9 Мая, 2 августа — День воздушно-десантных войск, 15 февраля — День памяти погиб-

— Есть в Майкудке компашки, что после получения иногда забирают деньги у «афганцев». За «афганца» любому башку оторву.

Нет, это не красивая бравада. Женя слов на ветер не бросает. Все, что связано с Афганистаном, для него свято. Там, считает он, из него сделали человека, там он стал личностью, там он потерял друзей, которых уже никто не заменит. Когда Подлесных и десятки тысяч его сверстников посылали «за речку», он не задумывался, что это была ошибка. Солдат, он беспрекословно выполнял приказ. Когда афганскую войну в бывшем Союзе осудили, Женя все равно не считал себя оккупантом. Не дай бог, кто назовет его столь оскорбительным словом.

Весть об «афганце» (эта кличка за Подлесных быстро прижилась в Майкудке), который не курит, не пьет, да еще к тому же поступил заочно на юридический факультет Карагандинского университета — значит, голова работает и на вид — не слабак, разнеслась по улицам и микрорайонам. Свои услуги ему предлагали racketиры и боссы криминального мира, его звали на работу в уголовный розыск. Он же оставался самим собой, так как любил независимость. Крутые ребята хотели его «подрезать» — полоснуть ножиком раз-другой, чтобы слишком не зазнавался. При упоминании об этом эпизоде Женя взрывается:

— Волки позорные. Живу, никого не трогаю, а они...

Первый раз он доказал свое лидерство после смерти матери, когда жизнь, по его сло-

вадьме или с рисовкой.

— По правде, Женя, по правде, — я иду в словесное наступление.

— Время было другое. Если парень в армии не отслужит, его за «подляк» считали.

— Ты своего сына на войну отправишь?

— Я бы не хотел. Нам же выбирать не приходилось.

— Каким ты вырастишь сына?

— После трех лет его воспитанием буду заниматься только я. Это будет мой сын. Я пойду играть в футбол и его возьму с собой, он будет делать то же, что и я. Воспитаю из него человека, мужчину.

Из всех друзей в Афганистан попал один Подлесных. Сначала была школа по подготовке сержантов под Ашхабадом. После ее окончания 90 процентов выпускников отправляли в Афган. Офицеры, бывшие «афганцы», не скрывали место предстоящей службы будущим младшим командирам.

В роте преобладали в основном представители Кавказа и Средней Азии, которые без зазрения совести издевались над «европейцами». Идешь строевым шагом — тебя сзади пинают. Пришел из наряда по столовой, сутки не спал, «дедушка» — ара дает новый наряд. Отбой ко сну делали в час-два ночи, подъем — в пять-шесть часов утра. На шестой день Подлесных не только служить, жить не хотелось. Нет, сбежать из армии, как это стало ныне в порядке вещей, он не собирался. Единственным его желанием было подойти к командиру взвода и попросить: «Товарищ старший лейтенант, разрешите мне чуть рань-

ства.

Замполит роты привел четырех молодых сержантов познакомиться со своими подчиненными.

— Я посмотрел в глаза ребятам, — вспоминает Е. Подлесных, — которые на чужой земле хлебнули столько горя, что мне и не снилось. Их отрешенный взгляд резанул мое сердце. Это чуть позже разобрался, что почем.

Рота считалась «мусульманской». В ней «шишкарлили» казакцы. Большинство солдат курили чарс. Анаша — это соломка, а если сбить пыль — получается крепкий чарс. Баловались чарсом и офицеры. Провцетала «дедовщина». Зайдешь в роту, в одном углу пьют, в другом — обкуренные сидят. Сто пудов — я тоже мог прийти из Афгана дурачком.

В подчинении у Подлесных было 14 дембелей. Попробуй ими покомандуй! Они тебе живо накомандуют так, что больше не захочешь. На них посмотришь — все раненые, контуженные — на душе становилось жутко. Но за них сержант заправляет кровати не должен. А командиром отделения ставя с испытательным сроком. Выдержишь — останешься на должности, нет — иди в рядовые. В горах как? Нагрузки нечеловеческие. Идешь на месяц в горы, несешь рюкзак. Вес его 50 кг летом, до 70 кг — зимой. А приходили в батальон новобранцы, которые сами весили до полуста килограммов.

— Ничего не поделаешь, — настаивал сержантов командир батальона, — что Родина дает, то и имеем.

если он знает, что командир — трус. Ротным у Подлесного был старший лейтенант О. Михно из Омска. Как только намечалась операция на Панджшер (без потерь там никогда не обходилось), Михно под любыми предлогами старался не пойти с ротой.

Первую медаль «За отвагу» Е. Подлесных получил через полгода. Я внимательно слушаю его рассказ:

— В Афгане за красивые глаза медали и ордена не давали. За 11 месяцев в роте не было потерь. На боевых выходах я был старшиной роты. Значит, в том, что мы воевали без потерь, есть и моя заслуга.

Трех душманов в плен взяли, один из них — главарь банды.

— Как вы обращались с пленными?

— Как с врагами! Твоих пацанов на глазах убивают, а ты что, цацкаться с духами будешь?

— Вы их били? — продолжая задавать вопросы.

— Если офицер не видит, да. Вообще-то, дай нам волю, мы бы горы свернули.

Я не понял, о чем идет речь и попросил Евгения выразиться понятным языком. Он мое предложение принял.

Однажды в Баграмской «зеленке» дивизия зажала в кольцо банду Кирима. Душманы, как мыши, спрятались в киризных ходах. Пустить бы газ — и конец банде. Ан нет, Москва не разрешила. Мол, по международной конвенции применять химическое оружие запрещено.

Никогда не забудет Е. Подлесных, как освобождали из душманского плена тела троих

ших в Афганистане. На память он обязательно приходит с несколькими букетами цветов.

Когда у смелого человека Евгения Подлесных родился сын — отец был на седьмом небе. В кафе собрал «афганцев». Друзья выпили шампанского за здоровье маленького «афганчика». А Женя, оставшись один, расплакался, как набеда-куривший мальчишка. Расплакался от счастья, что родился сын и от того, что его радость не могут разделить друзья, погибшие в Афгане. Он думал, какое имя дать сыну. И остановился на имени — Александр, что в переводе с греческого языка означает «мужественный защитник». Выбор этот не был случайным.

Старший брат Александр сделал много, чтобы поставить на ноги братьев и сестер. Саше Чапурину не суждено было вернуться в Караганду. Десантник Александр Лагода пришел в роту Подлесных, прослужив полтора года в дивизионной разведке. И хотя у А. Лагоды не сложилась жизнь — он отбывает срок в зоне — Подлесных не вычернул его из списка близких друзей.

Вторую медаль «За отвагу» старшине запаса Подлесных вручали спустя 10 месяцев после увольнения в запас.

Свое предприятие в 17 микрорайоне он назвал «ДШК» (есть такой крупнокалиберный пулемет). Его «ДШК», заверил меня Женя, будет работать не во вред людям.

НА СНИМКАХ: Евгений ПОДЛЕСНЫХ. Караганда, 1989 г.; в засаде. За пулеметом ДШК — Е. ПОДЛЕСНЫХ. Январь 1987 г. Баграмская «зеленка».